

«Глупышки мои, сейчас я сделаю из вас настоящих придурков».

Жун Юйхэн замер в недоумении: «...»?

Поворот в самом финале оказался настолько резким, что Жун Юйхэн не сразу пришел в себя. Нахмурившись, он перелистнул сценарий назад — к той части, где Хуайцин проходит путь от странствий по поднебесной до службы при императорском дворе.

Спустя десять минут он отложил сценарий и, воздев глаза к небу, изумленно выдохнул: оказывается, дело не в резкой смене стиля под конец. Эта дорама с самого начала и до самого конца была сплошным фарсом!

А ведь он едва не попался на удочку этого серьезного, чинного названия и мимолетного пафоса преобразования героя в начале и финале!

Ши Цю прочитала сценарий заранее. Раз уж она решила показать его Жун Юйхэну, значит, посчитала этот вариант стоящим.

— Ты раньше никогда не снимался, так что не знаю, справишься ли с актерской игрой, — сказала она. — Но, к счастью... я изучила типаж персонажа. Тебе достаточно просто играть самого себя.

Жун Юйхэн прищурился. Ему показалось, что Ши Цю тоже начала тонко над ним подшучивать.

Было очевидно, что Сюньгуан очень хочет видеть Жун Юйхэна в роли Хуайцина. Каждый день она устраивала ему небольшие индивидуальные занятия, делилась полезными практическими советами по актерскому мастерству и помогала глубже понять персонажа.

Сюньгуан: «Я верю в свое чутье! Мой взгляд способен безошибочно выхватить из толпы живое воплощение персонажа!»

В голове Жун Юйхэна тут же всплыл образ Чоу Цзяньлуня, разбрасывающего деньги по ветру, и он мысленно согласился с ее словами.

Жун Юйхэн: «Я еще никогда не играл, вдруг режиссер меня побьет? [рыдающая выдра]»

Сюньгуан: «Не бойся, все режиссеры, с которыми я работала, очень милые и мягкие люди~»

Жун Юйхэн перестал стучать по клавишам.

Из уст этой острой на язык поэтессы подобные заверения звучали совершенно неубедительно.

Как раз к этому времени концертный тур и съемки в групповом реалити-шоу подошли к концу. Жун Юйхэн закрылся в своей комнате, чтобы полностью сосредоточиться на тренировках. Он твердо решил досконально проработать образ перед прослушиванием.

Просидев над сценарием полчаса и раз пять-шесть отрепетировав сцену перед зеркалом, он решил выйти в гостиную, чтобы продемонстрировать свои успехи зрителям.

В гостиной на первом этаже Цзоу И, Бянь Чэнь и Тан Цзи резались в карты.

Жун Юйхэн крадучись подобрался к ним, встал прямо перед столом и, мгновенно сменив выражение лица, дал волю своему актерскому темпераменту.

Он подхватил со стола чашку чая и, запрокинув голову, осушил ее одним махом!

Чтобы подчеркнуть лихую удаль вольного скитальца, он намеренно приоткрыл уголки губ, позволяя светло-желтым струйкам чая стекать по подбородку...

Играющее в карты трио безмолвно воззрилось на него.

Жун Юйхэн уже полностью погрузился в образ. Он с силой вытер рот рукавом, его глаза вспыхнули так ярко, что могли бы затмить солнце и луну, а пухлые алые губы приоткрылись, выпуская томный вздох:

— Какая ядреная детская урина!..

Троица одарила его долгим, тяжелым взглядом, после чего дружно опустила головы и продолжила игру.

Завершив свой блистательный этюд и не дождавшись никакой реакции, Жун Юйхэн разочарованно вытянул шею:

— Ну как вам моя игра?

Цзоу И даже головы не поднял:

— А ты что-то играл?

— Ну вот эту сцену только что! Если оценивать чисто актерскую игру, выглядело неловко?

Бянь Чэнь, нахмурившись, перебирал свои карты:

— Какая еще игра? Ты и в жизни себя так ведешь. Пара дам!

Жун Юйхэн опешил.

Он с последней надеждой посмотрел на единственного здесь простодушного человека — Тан Цзи:

— Тантан, а ты что думаешь?

Тан Цзи проявил сострадание и удостоил его взглядом:

— Тебе скучно и тоже хочется сыграть? Подожди, закончу эту раздачу и уступлю тебе место. Два туза.

Жун Юйхэн оцепенел. С каменным лицом он развернулся и ушел к себе. Громко хлопнув дверью, он задвинул зачитанный до дыр сценарий в самый дальний угол ящика.

Ему больше не требовалось ничего оттачивать.

...

Разумеется, как послушный и образцовый хомячок, Жун Юйхэн не забыл поделиться этой

неоднозначной новостью со своим хозяином Вэнем.

Они увлеченно болтали по телефону. Когда Жун Юйхэн со всем драматизмом закончил свой рассказ, из динамика донеслось едва различимое тихое хмыканье.

Жун Юйхэн мгновенно вскипел:

— Ты снова надо мной смеешься!

Вэнь Чжэчэн поспешил скрыть улыбку и примиряюще произнес:

— Нет-нет, что ты, я просто рад за тебя.

— Ха, хозяин называется! — фыркнул Жун Юйхэн.

— ... — Вэнь Чжэчэн тут же ловко перевел тему: — Кстати, когда у тебя прослушивание? И кто режиссер?

Жун Юйхэн послушно переключился:

— В следующий понедельник. Режиссер — Цянь Синьлэй.

— М-м, хорошо, я понял, — отозвался Вэнь Чжэчэн.

Повесив трубку, Жун Юйхэн заметил, что за это время ему пытался дозвониться его братец-жемчужинка.

Он поспешил перезвонить, и трубку сняли буквально после первого же гудка.

— Алло?

Жун Юйхэн, испытывая легкое чувство вины, нерешительно произнес:

— Брат.

Голос Жун Цунъяня звучал как обычно спокойно:

— Сяо Хэн, ты сильно занят в последнее время? В выходные дома будут тушить домашнюю курицу, приезжай, тебе нужно восстановить силы.

Жун Юйхэн прикинул в уме: он и правда не был дома уже полгода, а если его утвердят на роль, то свободного времени станет еще меньше. Как раз на этих выходных выдалось окно, поэтому он согласился.

— Хорошо, я приеду в субботу.

Суббота, 10:40 утра.

Из особняка семьи Жун сквозь плотно закрытые окна и двери доносились приглушенные звуки песни, разносившиеся над аккуратным газоном до самых ворот.

Жун Юйхэн остановился у входа в сад и глубоко задумался...

Спустя мгновение он набрал номер Жун Цунъяня. Трубку сняли после пары гудков, и в голосе брата слышалось радостное нетерпение:

— Сяо Хэн, ты уже приехал?

Жун Юйхэн поджал губы:

— Ты ведь обещал, что включишь «Пекин приветствует вас». Включил?

Жун Цунъянь замялся на секунду, а затем ответил:

— Мы решили поставить другую приветственную песню.

— Какую еще песню?

— «Приходи, удача», — мягко произнес Жун Цунъянь. — Твое возвращение домой — это и есть наша главная удача.

— Дай послушать.

— ... — в трубке повисло недолгое молчание, после чего Жун Цунъянь не совсем уверенно проговорил: — Я сейчас у себя в спальне, тут плохо слышно. погоди секунду, я выйду в коридор, чтобы ты расслышал.

Послышались шаги и скрип открываемой двери, после чего праздничные и задорные мотивы ворвались в уши Жун Юйхэна. Ритм музыки из динамика в точности совпадал с той, что доносилась из глубин особняка.

И правда, играла «Приходи, удача».

Только тогда Жун Юйхэн отбросил свои сомнения:

— Понял. Уже захожу.

С этими словами он привычным движением приложил палец к сканеру отпечатков и толкнул дверь.

Стоило ему миновать сад и распахнуть входную дверь дома, как мощный поток жизнерадостного пения буквально вылетел ему навстречу.

Жун Юйхэн довольно улыбнулся. Под бодрые аккорды песни «Приходи, удача» он переступил порог и закрыл за собой дверь.

Раздался негромкий щелчок замка. Уличные звуки исчезли, и гремевшая в гостиной музыка зазвучала еще отчетливее.

Жун Юйхэн начал разуваться, но вдруг замер, и его брови медленно поползли к переносице. Мотив оставался прежним, но вот слова песни... слова были совсем другими!

Звонкий женский голос раскатисто разносился по всему дому:

Затяни двойной узел, мешок доставай,

Все кастрюли, тазы и дубины тащи!

Ты звал меня гребешком, а его — поросенком,

И теперь за долги свои горько плати!

...

Замани его в дом, замани шелудивого пса,

Да запри поскорее щенка под замок,

Замани его к нам, соберемся мы вместе,

Чтоб под солнцем палящим познать отцовскую любовь!

...Жун Юйхэн оцепенел, его зрачки сузились, а ботинок с глухим стуком выпал из рук.

Его нагло обвели вокруг пальца!

От автора:

Жун Юйхэн (скрежеща зубами): — Мы выросли от одного корня, зачем же так спешить губить друг друга!

Жун Цунъянь (с невозмутимым видом): — Адресую эти слова тебе прежнему.

В голове Жун Юйхэна будто прогремел мощный удар грома!

Не успел он определиться, что лучше — бежать босиком или все-таки обуться и уйти с достоинством, как из коридора у прихожей послышался размеренный стук шагов.

На фоне бодрой праздничной музыки эти шаги звучали зловеще, навевая мысли о похоронной процессии.

По спине Жун Юйхэна пробежал мороз. Он резко обернулся и нажал на дверную ручку. Но не успел он выскочить наружу, как чья-то рука бесшумно опустилась ему на плечо, мертвой хваткой удерживая на месте, а сверху раздался вкрадчивый голос:

— Сяо Хэн, ты куда-то собрался?

Рука Жун Юйхэна дрогнула, но он тут же взял себя в руки и с невозмутимым видом повернулся:

— Я привез вам подарки, но забыл их в машине.

— Ну что за глупости, зачем нам подарки?

Жун Цунъянь с этими словами по-хозяйски приобнял брата за плечи и потащил вглубь дома.

Жун Юйхэн отчаянно вцепился пальцами ног в пол, пытаясь удержаться, но его все равно плавно отбуксировали напрямиком в гостиную.

В этот момент он остро почувствовал себя роботом-пылесосом.

На широком столике из красного дерева перед диваном, где величественно восседал Жун Тяньшэнь с суровым и торжественным лицом, лежал целый ворох предметов с аккуратными

ярлыками.

Жун Юйхэн скользнул по ним взглядом: дубинка, плеть, железные прутья...

<http://bllate.org/book/18291/1754226>